

Каримова С.Ф.

*Стерлитамакская государственная педагогическая академия
им. Зайнаб Бишиевой, г. Стерлитамак, Республика Башкортостан*

К ВОПРОСУ ОСВЕЩЕНИЯ МЕСТОИМЕНЕЙ В ЯЗЫКОЗНАНИИ (РУСИСТИКЕ, МОНГОЛОВЕДЕНИИ, ТЮРКОЛОГИИ И ДР.)

Данная статья посвящена изучению проблемы местоимений в свете освещения, как в отечественном языкознании, так и в русистике, монголоведении, тюркологии. В ней рассматриваются взгляды различных исследователей на природу местоимений, как особой части речи.

Будучи одной из сложных проблем грамматики, проблема местоимений привлекала и продолжает привлекать внимание многих исследователей, как в общем языкознании, так и в русистике, тюркологии, монголоведении и других областях общего языкознания.

Так, местоимения научно исследованы в работах грамматистов XVIII – XIX веков: М.В.Ломоносова, А.А.Барсова, Ф.И.Буслаева, А.А.Потебни, А.А.Шахматова, А.М.Пешковского, а также в работах ведущих русистов XX века: Л.В.Щербы, В.В.Виноградова, Р.И.Аванесова, Г.О.Винокура, А.Н.Гвоздева, Д.Э.Розенталь, Н.Ю.Шведовой, Е.Ф.Серебренниковой, М.А.Теленковой, М.А.Шелякина, Л.Д.Чесноковой и многих других.

Анализируя состояние изучения местоимений в русской филологической науке, исследователь Е.М.Федорова считает, что “категориальная неоднородность класса местоимений делает вопрос их частеречной принадлежности одним из самых обсуждаемых в истории русистики” [21, с. 8]. По ее наблюдениям, “одни исследователи (А.Х.Востоков, А.А.Шахматов) считали местоимения отдельной, самостоятельной частью речи; другие (А.М.Пешковский, А.А.Потебня), лишая местоимения статуса самостоятельной части речи, механически распределяли их по классам имен существительных и прилагательных... Долгое время в русистике преобладала точка зрения, согласно которой к местоимениям относятся только личные и производные от них прономинативы, а остальные местоимения подразделяются по разным категориям (В.В.Виноградов, Л.А.Булаховский, Русская грамматика, 1980). В то же время некоторые авторы предлагали “выделять местоимения как особую часть речи на уровне синтаксиса связного текста” [21, с. 9].

Такие вышеописанные противоречия в определении частеречной самостоятельности местоимений Е.М.Федорова и Р.С.Макарова объясняют особенностями их семантики, в выявлении которых в русистике также встречаются противоположные мнения: если одни исследователи придерживаются той точки зрения, согласно которой “местоимение в каждом новом контексте обозначает что-то новое и ... переменность референта автоматически означает переменность лексического значения”, другие считают, что “лексическое значение местоимений рассматривается как постоянное и устойчивое, поскольку эти единицы выражают наиболее общие понятия”, по мнению третьих (В.З.Панфилов и др), “значения местоимений сближаются по своему типу с грамматическими, о чем, в частности, свидетельствует то, что некоторые из значений местоимений могут передаваться личными окончаниями глаголов” [12, с. 8].

Акцентируя внимание и на том, что “существует мнение, что местоимения занимают промежуточное положение между знаменательными и служебными словами”, Е.М.Федорова заключает, что “значение местоимений сравнительно с другими знаменательными частями речи характеризуется более высоким уровнем абстракции” [21, с. 9].

По наблюдениям Е.В.Клобукова, “представляет интерес строго обоснованная в

научном плане точка зрения В.В.Виноградова. В отличие как от ученых, не считающих местоимения частью речи, так и от ученых, называющих местоимениями все без исключения слова с местоименной семантикой, В.В.Виноградов утверждал, что в русском языке существует особая часть речи – местоимение, но к ней относятся далеко не все слова с местоименным значением, а лишь местоименные существительные (по терминологии В.В.Виноградова, предметно-личные местоимения). Хотя предметно-личные местоимения имеют то же категориальное значение, что и существительные (предметность), по морфологическим свойствам они принципиально отличаются от существительных следующими признаками:

1. У существительных род часто выражен окончаниями, у предметно-личных местоимений – только синтагматически, в формах согласуемых слов: *ты написал / написала; кто пришел?; что случилось?* Исключение составляют местоимения *он, она, оно*, у которых род выражен окончаниями самих местоимений.

2. Число у существительных – словоизменительная категория: когда существительное изменяется по числам (*стол - столы*), его лексическое значение не меняется. Многие предметно-личные местоимения вообще не изменяются по числам: *кто, что, никто, нечто* и др. Лишь для некоторых местоимений характерно противопоставление единственного и множественного числа: *я – мы, ты – вы, он, она, оно – они*. Однако здесь соотношение единственного и множественного числа, как правило, иное, нежели в противопоставлениях типа *стол – столы*. Если *столы* означает “много предметов, называемых словом *стол*”, то *мы* не значит “много я”, а *вы* не значит “много ты”. *Мы* – это “я + ты”, “я + вы”, “я + они”, но отнюдь не “я + я”. Поэтому многие ученые считают, что *я* и *мы* не формы одного слова, а разные слова с разным лексическим значением. Аналогично соотносятся и местоимения *ты* и *вы*. Слово *они* также не всегда обозначает множество однородных предметов: эта форма может значить не только “он + он” или “она + она”, но также “он + она”. Следовательно, категория числа у предметно-личных местоимений является не словоизменительной, а классификационной, лексико-грамматической.

3. У предметно-личных местоимений есть грамматическая категория лица, которой нет у существительных. Эта лексико-грамматическая (несловоизменительная) категория проявляется в сочетаемости с личными формами глагола, т.е. синтагматически. Ср.: *я иду, мы идем* (I лицо), *ты идешь, вы идете* (II лицо); все остальные предметно-личные местоимения сочетаются с глагольными формами III лица” [17, с. 229 - 230].

Итак, как заключает исследователь, предметно-личные местоимения, или местоименные существительные, характеризуются четырьмя морфологическими категориями, из них три категории (род, число, лицо) – это несловоизменительные, лексико-грамматические, а падеж – единственная словоизменительная категория. Такой системы морфологических категорий нет ни у одной части речи, в том числе и у имени существительного. Поэтому, по мнению Е.В.Клобукова, “В.В.Виноградов выделил местоименные существительные в качестве особой части речи, назвав ее местоимением (в узком смысле)” [17, с. 230].

Далее Е.В.Клобуков приводит свои наблюдения о том, что другие виды местоименных слов у В.В.Виноградова по своим грамматическим свойствам резко отличаются от предметно-личных и относятся либо к прилагательным (местоименные прилагательные *какой, чей, всякий* и др.), либо к числительным (неопределенно-количественные числительные *сколько, несколько, столько* и др.), а также то, что точка зрения В. В. Виноградова получила отражение в целом ряде авторитетных трудов, в том числе и в академической “Русской грамматике” (1980) [17, с. 230 - 231].

По мнению исследователя А.Н.Гвоздева, “со стороны значения местоимения характеризуются тем, что совмещают общие значения отношений, существующих между предметами в реальном мире, с выражением отдельного проявления передаваемого ими отношения в том или ином конкретном случае. В связи с этим у местоимений наряду с постоянным общим выражением известного отношения имеется изменчивое конкретное

значение, раскрываемое при посредстве разнообразных условий, например, контекста, взаимоотношения участников речи, ситуаций и т.д.” [5, с. 217]. Исходя из этого, автор предлагает следующую трактовку местоимениям: “Местоимения – слова, характеризующиеся по значению совмещением обозначения предельно общих отношений с изменчивым конкретным значением, причем это конкретное значение в них раскрывается на основе контекста, ситуаций, отношения говорящего к другим участникам речи и ряда других условий” [5, с. 221].

Необходимо отметить, что в русистике сравнительно чаще встречаются определения следующего характера: “Местоимение – часть речи, которая указывает на предметы, признаки и количества, но не называет их” [15, с. 216; 17, с. 227], согласно которому местоимения рассматриваются и как часть речи, и как указательные слова. Необходимо отметить, что такое определение противоречит мнениям некоторых исследователей, которые, по мнению Е.М.Федоровой, “расширили традиционный объем понятия “местоимение” и включили в него наряду с местоимениями-существительными и прилагательными местоименные наречия и даже местоименные глаголы (Ермакова, Сидоренко, Шведова)” [21, с. 10]. В числе таких исследователей можно назвать Л.Д.Чеснокову, отмечающую, что местоимение – “это синкретичная по своей природе часть речи, объединяющая признаки собственно местоимения, а также признаки или имени существительного, или имени прилагательного, или имени числительного, или наречия, или безличных предикативов (слов категории состояния)” [18, с. 141].

Более подробное описание лексико-грамматических особенностей местоимений как части речи наблюдается в исследовании М. А. Шелякина, по определению которого “местоимения – это часть речи, слова которой указывают на все то, что имеет отношение к непосредственному акту речи” [22, с. 440]. В число компонентов речевого акта, на которые указывают местоимения с точки зрения позиции говорящего, исследователь включает “говорящего, слушающего (адресата высказывания), место и время акта речи, а также находящиеся или отсутствующие в речевом пространстве предметы, выделяемые по отношению к компонентам речевого акта” [22, с. 440].

По мнению А.М.Шелякина, “местоимения, в отличие от номинативных слов, не выражают качественной определенности однородных предметов, по которым они различаются или опознаются, а *выделяют* разнообразные предметы по признаку соотнесенности с говорящим лицом. Такой способ обозначения называется дейксисом, а сами языковые знаки – дейктическими. В связи с дейктическим характером местоимений их конкретная предметная соотнесенность всегда является ситуативной и индивидуальной”. Автор подчеркивает тот факт, что местоимения не употребляются в значениях номинативных слов, а “во-первых, ... могут указать на неизвестный предмет, который для говорящего не имеет словесного обозначения, во-вторых, при указании на известный предмет местоимения имеют в виду не его качественные признаки, а только его наличие в поле зрения говорящего” [22, с. 440].

Исходя из такой дейктической функции местоимений, т.е. их прикрепленности к ситуативной предметности речи, А.М.Шелякин выделяет два функциональных назначения данной части речи:

1) быть одним из универсальных средств актуализации речевых высказываний (высказываний о конкретных фактах действительности), т.е. средством перевода абстрактной системы языка в сферу актуализированной речи;

2) текстообразующее или анафорическое (заместительное, “повторительное”), которое сводится к указанию на элементы контекста, их следование и связи: местоимения либо предваряют элементы текста, либо их повторяют, выступая тем самым средством развертывания и установления смысловых связей в тексте [22, с. 440-441].

Целесообразно привести здесь точку зрения Е.В.Клобукова, указывающего на две основные функции местоимений:

1) дейктическая – указание на условия речевого акта, соотнесение того, что

говорится, с условиями речевого акта и его участниками: я “говорящий”, ты “слушающий”, ваш “принадлежащий вам, т.е. слушающим”, этот “находящийся вблизи от речевого акта”, тот “находящийся вдали” и т.п.;

2) анафорическая – соотнесение данного сообщения с другими сообщениями, отсылка к указанному ранее: такой “подобный или равный тому, о чем уже говорилось”, другой “не такой”, о котором говорилось” и т.п. [17, с. 227]

Е.И.Бударагина в своей диссертации “Средства создания образа адресата в художественном тексте” считает местоимение “одним из средств экспликации наличия контакта между адресантом и адресатом” [4, с. 11]. По ее мнению, роль средств адресованности могут выполнять местоимения различных разрядов, но “наиболее важными в данном случае оказываются личные местоимения, причем главным образом, их оппозиции, поскольку они играют важную роль в распределении позиций субъектов диалога”. Автор также подчеркивает роль местоимений в следующих видах обозначений общности позиций адресанта и адресата:

а) эксплицитном: *Как мы уже знаем.* (М.Булгаков);

б) имплицитном: ... *И тот самый человек в капюшоне, с которым Пилат имел мимолетное совещание в затемненной комнате во дворце.* (М.Булгаков) [4, с. 11].

В области изучения местоимений языков монгольской группы огромный интерес вызывает статья Аюшеевой Л.В. “Проблемы изучения местоимений бурятского языка (лингвистический аспект)”, опубликованная в Интернет-журнале СахГУ “Наука, образование, общество” от 13 февраля 2007 года. В ней дается анализ и краткий обзор существующих точек зрения, подходов и трактовок местоимений бурятского языка.

Анализируя состояние изучения местоимений в монголоведении, автор в своей статье прежде всего упоминает имена тех исследователей, которые, следуя европейской традиции, относили местоимение к именной части речи, это первые монголоеды русской школы И.Я.Шмидт (1832) и О.М.Ковалевский (1835), а также А.Орлов (1978), М.А.Кастрен (1936), Н.Н.Поппе (1938).

Обращаясь к более поздним источникам (изданным после 40-х годов), Л.В.Аюшеева пишет о существовании в монголоведении двух точек зрения на природу местоимений. В первую группу исследователей, рассматривающих местоимение как именную часть речи, она наряду с Ц.Б.Цыдендамбаевым, чья диссертация на тему “Местоимения в монгольских языках” (1951) легла в основу раздела “Местоимение” академической “Грамматики бурятского языка. Фонетика и морфология” (1962), включает и Д.Д.Амоголонова, Л.Д.Шагдарова, Д.Д.Доржиева. Вторая группа ученых (Г.Д.Санжеев, Ц-Ж. Ц.Цыдыпов, В.И.Рассадин, Т.Б.Аюуш), по наблюдениям Л.В.Аюшеевой, придерживается того мнения, что местоимения могут замещать в речи не только именное слово, но и наречия и глаголы.

Помимо этого, автор статьи не скрывает своих наблюдений за сменой точек зрения Г.Д.Санжеева и Д.Д.Доржиева, первый из которых в работе “Грамматика бурят-монгольского языка” (1941) среди местоимений, названных им термином “түлөөнэй үгэ” (замещающее слово), выделяет личные, указательные, вопросительные, наречные, глагольные местоимения, в другой своей работе “Современный монгольский язык” (1959) данную часть речи называет термином “түлөөнэй нэрэ” и относит к именной части речи. Д.Д.Доржиев же, наоборот, отходит от своего первоначального взгляда, что местоимение принадлежит к именной части речи, назвав его бурятским термином “түлөөнэй үгэ” (замещающее слово). Выделив “личные, указательные, вопросительные, неопределенные, выделительные, возвратные местоимения, внутри указательных, вопросительных и неопределенных местоимений приводит соответствующие не только именным, но и глагольным, наречным местоимениям” [3, с. 4].

Л.В.Аюшеева анализирует также несколько иной подход к местоимениям бурятского языка, отраженный в работе Ц-Ж. Ц.Цыдыпова “Морфология бурятского языка. Учебное пособие для аспирантов, студентов, учителей средних школ” (1988):

“Назвав местоимение бурятским термином «*түлөөнэй үгэ*» — «местословие», автор отнес его к самостоятельной части речи. Он считает, что распространенный в бурятском языке термин «*түлөөнэй нэрэ*» (местоимение) является калькой русского термина «местоимение» и не отражает сути местоимений бурятского языка, которые в действительности указывают и замещают в речи не только имена существительные, прилагательные, числительные, но и глаголы. Ц-Ж. Ц.Цыдыпов выделяет следующие разряды «местословий»: 1) личные; 2) возвратные; 3) указательные; 4) вопросительные; 5) обобщительные; 6) неопределенные; 7) выделительные; 8) глагольные. Как видим, и в этой, достаточно логической классификации не включены столь важные «местословия», замещающие наречия, как это было у Г.Д.Санжеева. «Основаниями замены термина «*түлөөнэй нэрэ*» (местоимение) на новый термин «*түлөөнэй үгэ*» (местословие) явились лексические, морфологические, синтаксические признаки местословий бурятского языка» [3, с. 6].

Анализ статьи Аюшеевой позволяет заключить, что автор придерживается нового подхода, выработанного в последние годы в монголоведении, трактующего, что местоимение – это особая часть речи, замещающая в речи не только именные слова, но и наречия, глаголы.

Говоря об освещенности проблемы местоимений в тюркологии, следует отметить, что в татарском, башкирском и других тюркских языках изучению данной части речи посвящено немало исследований.

Особого внимания в татарской лингвистике заслуживает книга Г.Ибрагимова “Татар сарыфы”. “Сарыф” в понимании автора означает “морфологию, в которой участвуют понятия лексикологии и фонетики” [10, с. 5].

Вышеназванную книгу, впервые изданную в 1911 году в Казани, исследователь Г.Ибрагимов посвящает изучению системы частей речи татарского языка. Кроме того, в ней имеются сведения по фонетике и лексике, а также мнения ученого по поводу орфографических правил. Как отмечают составители нового издания книги Ф.С.Сафиуллина и Б.Э.Хакимов, “для разделения слов на группы автор берет за основу семантический принцип. На эту особенность обращается внимание и в трудах татарских лингвистов. В то же время используется и морфологический принцип, указываются особенности, присущие каждой части речи. Но и при формулировке определений, и при описании отдельных явлений внимание акцентируется на семантико-смысловой стороне” [10, с. 7].

Хотя в работе и говорится о знаменательных (*мөстәкыйль мәгънәләр*) и незнаменательных (*мөстәкыйль булмаган мәгънәләр*) значениях, но нет строгого деления частей речи на знаменательные и служебные.

Г.Ибрагимов выделяет девять частей речи, названных им “*сүз төрләре*” (не “*сүз төркемнәре*”): имя существительное “*исем*”, имя прилагательное “*сыйфат*”, имя числительное “*сан*”, глагол “*фигыль*”, окончание “*кушылта*”, местоимение “*алмаш*”, а также “*каед*”, “*ярдәмлек*”, “*ымлык*”. Как отмечают составители издания, “внутри последних трех частей речи рассматриваются служебные части речи и модальные слова” [10, с. 10-11].

Автор книги местоимению, упоминаемому им также и арабским термином “*зөмаир*”, о значении которого будет говориться позже, дает следующее толкование: “Слова, употребляющиеся вместо имен существительных, прилагательных или числительных, называют местоимением”.

Не менее интересные сведения о природе местоимений приводятся в труде Л.Залая “Историческая морфология татарского языка (очерки)”. Как отмечает редактор издания, “термин “*алмашлык*” в книгах Г.Фаизханова “Татар теленә кыскача гыйльми сарыф” (1881) и М.Уметбаева “Татар нәхүенең мохтасары” (1902) сначала предлагается в форме “*кина*”, затем у Г.Ибрагимова “*алмаш*”. Этот же термин встречается в правилах татарского языка З. Валиди (1915). Только в труде М.Курбангалиева и Х.Бадиги “Татар

теле сарфы” употребляется термин “*алмашлык*”. Долгие годы используются термины “*алмаш*” и “*замир*”. Например, в “Татарской грамматике” (1919) и полном словаре З.Валиди (1927) все еще продолжается использование слова “*алмаш*”. Затем в татарской грамматике принимают “*алмашлык*”, а в башкирской грамматике – “*алмаш*” [9, с. 117].

А вот что пишет по поводу истории наименования данной части речи сам автор книги Л.Заяляй: “Вопрос об определении части речи был поставлен уже в античной филологии. В ней местоимения назывались термином “*прономен*” (с лат. “*pronomen*” = *pro poter* + *для имени*), т.е. “*вместо имени*”. Этот термин используется у большинства европейских народов. В русском языкознании путем его калькирования образовано понятие “местоимение” (употребляющийся вместо имени, или заместитель имени). В арабском языкознании данную часть речи называли “*замир*” или “*исме замир*”. “*Замир*” означает “внутренность, внутреннее состояние, сокрытие чего-то”. Эти вышеназванные термины “*замир*” и “*исме замир*” использовались в татарском языкознании вплоть до начала XX века (например, в книге К. Насыри, изданной в 1895 году, “*Әнмүзәж*”). Только перед Октябрьской революцией начинает появляться термин “*алмашлык*”. Г.Нугайбек в своей грамматике “*Төрлек*” (1911) делает попытки наименования местоимения терминами “*атлык*”, “*исемлек*”, но по тем причинам, что во-первых, они являлись слишком прямой калькой, во-вторых, суживали основную функцию данной части речи, они не были приняты” [9, с. 117].

Л.Заяляй не дает четкого толкования местоимениям, но указывает на их основную особенность – на “способность замещать все части речи” [9, с. 117 - 118].

Ш.Рамазанов и Х.Хисматуллин для учащихся школ предлагают следующую трактовку местоимений: “Слова, которые употребляются в роли одного из частей речи, как имя существительное, прилагательное, числительное и наречие, называются местоимением” [14, с. 116]. Ф. С. Сафиуллина и М. З. Закиев местоимением называют “часть речи, способную замещать такие части речи, как имя существительное, прилагательное, наречие и имя числительное” [16, с. 290].

Сопоставляя местоимения русского и татарского языков, Р.Р.Ямалетдинов толкует их следующим образом: “Местоимение – в обоих языках часть речи, употребляющаяся вместо имени существительного, прилагательного, числительного, наречия (глагола) и объединяющая слова, указывающие на общие значения этих частей речи” [23, с. 79].

Говоря об отраженности проблемы местоимений в башкирском языкознании, следует отметить, что данная часть речи изучена достаточно основательно, но, как и в татарской лингвистике, встречаются разногласия во мнениях исследователей по поводу трактовки лексико-грамматических особенностей и определения основных функций местоимений. Так, в академической грамматике местоимение трактуется как “часть речи, которой объединяются слова, заменяющие имена существительные, прилагательные, числительные и наречия” [6, с. 153]. Вышеназванные части речи перечисляются и у В.Ш.Псянчина и М.Х.Ахтямова, разница в том, что местоимение, по мнению первого исследователя, “обобщает [их] значения” [13, с. 194], а по мнению второго исследователя, “употребляется” [2, с. 12] вместо этих частей речи. Если Х.С.Фаритов местоимениями называет “слова, употребляющиеся вместо имен существительных, прилагательных, числительных и других частей речи” [20, с. 189], Н.Х.Ишбулатов указывает на такую особенность местоимения, как “связь с самостоятельными частями речи” [11, с. 128]. Несколько по-иному подходит к трактовке местоимений М.В.Зайнуллин; по его мнению, местоимение “не обозначает конкретные предметы, действия предметов, как другие части речи, а актуализирует вещи, предметы, действия, о которых говорится в процессе речи” [7, с. 67].

Немалый интерес, на наш взгляд, вызывают определения, встречающиеся в исследованиях по сопоставительной грамматике русского и башкирского языков. Так, Р.Н.Терегулова и К.З.Ахмеров предлагают следующее толкование: “Местоимение – это часть речи, которая употребляется вместо имени существительного, имени прилагательного и числительного (отсюда и название – местоимение, т.е. “вместо

имени”)” [19, с. 101]. К.З.Закирьянов, говоря о местоимениях русского и башкирского языков, определяет их как “такая знаменательная часть речи, которая указывает на предметы, признаки и количество, но не называет их”, поэтому называет местоимения “лишь указательными словами, не имеющими своего собственного значения” [8, с. 56].

А.М.Азнабаев и Р.Х.Хайруллина выделяют следующие общие особенности местоимений сопоставляемых русского и башкирского языков:

- они не имеют номинативного значения и номинативной функции, заменяя в контексте другие части речи (имена существительные, прилагательные, числительные, наречия) и указывая на предмет, их свойства, качество или количество;

- значения местоимений конкретизируются лишь в определенном контексте;

- в названиях данной части речи в обоих языках учитывается их основная функция – употребляться вместо имени (русское – “*вместо + имени*”, башкирское “*алмаш*” значит “*замена, заменитель*”) [1, с. 62 - 63].

Вышеприведенный анализ изучения местоимений в русистике, монголоведении, тюркологии позволяет заключить, что в толковании местоимений у различных исследователей встречаются разногласия по поводу того, какой частью речи является местоимение, какие части речи оно может замещать. Мы же считаем, что местоимение способно замещать не только именные части речи, но и наречия и глаголы, и поэтому предлагаем свою трактовку: “Местоимение – это такая знаменательная часть речи, замещающая в процессе речи имена существительные, прилагательные, числительные, наречия, глаголы”.

Литература:

1. Азнабаев А. М., Хайруллина Р. Х. Сопоставительная грамматика русского и башкирского языков. – Уфа: Изд-во “Гилем”, 2006. – 150 с.
2. Ахтямов М. Х. Грамматика башкирского языка (Материалы для занятий практического курса). II часть. – Уфа, 1979. – 79 с.
3. Аюшеева Л. В. Проблемы изучения местоимений бурятского языка (лингвистический аспект) // Интернет-журнал СахГУ “Наука, образование, общество”. – 13.02.2007. – С. 4.
4. Бударagina Е. И. Средства создания образа адресата в художественном тексте: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. – М., 2006. – 25 с.
5. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Морфология. Ч.I. Именные части речи и местоимения. – Самара: Изд-во СамГПУ и изд-во “Самарский университет”, 1997. – 244 с.
6. Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1980. – 495 с.
7. Зайнуллин М. В. Современный башкирский литературный язык. Морфология. – Уфа, 2002. – 416 с.
8. Закирьянов К. З. Сопоставительная морфология русского и башкирского языков: Учебное пособие. – Уфа, 2001. – 141 с.
9. Заляй Л. Историческая морфология татарского языка (очерки). – Казань: Фикер, 2000. – 287 с.
10. Ибраһимов Г. Татар сарыфы / Ред. Ф. С. Сафиуллина. – Казан, 2003. – 148 с.
11. Ишбулатов Н. Х. Современный башкирский язык (Система норм литературного языка). - Уфа: Башкирское книжное издательство, 1972. – 138 с.
12. Макарова Р. С. Конструкции со словами “как”, “какой” в современном русском языке: структурно-семантический и функциональный аспекты: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – 25 с.
13. Псянчин В. Ш. Местоимение / Современный башкирский язык: Учебник для студентов факультета начальных классов педагогического института / Отв. ред. З. Г. Ураксин, К. Г. Ишбаев. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1986. – 400 с.

14. Рамазанов Ш., Хисматуллин Х. Грамматика татарского языка. I часть. Фонетика и морфология: Учебник для 5-6 классов семилетних и средних школ. – Казань: Татгосиздат, 1950. – 227 с.
15. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. – М.: Рольф; Айрис-пресс, 2000. – 448 с.
16. Сафиуллина Ф. С., Закиев М. З. Современный татарский литературный язык. – Казань: Мэгариф, 2002. – 320 с.
17. Современный русский литературный язык: Учебник / П. А. Лекант, Н. Г. Гольцова, Е. В. Клобуков и др. Под ред. П. А. Леканта. – 4-е изд. стер. – М.: Высшая школа, 1999. – 462 с.
18. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: В 2-х ч. – Ч. 2: Морфология. Синтаксис / В. В. Бабайцева, Н. А. Николина, Л. Д. Чеснокова и др.; Под ред. Е. И. Дибровой. – М.: Изд. центр “Академия”, 2002. – 704 с.
19. Терегулова Р. Н., Ахмеров К. З. Сравнительная грамматика русского и башкирского языков / Под ред. Н. К. Дмитриева. - Уфа: Башкирское книжное издательство, 1953. – 205 с.
20. Фаритов Х. С. Местоимение / Башкирский язык: Учебник для педагогических училищ / Под ред. Ж. Г. Киекбаева. - Уфа: Башкирское книжное издательство, 1983. – 398 с.
21. Федорова Е. М. Омокомплекс *так* и его функции в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. – Новосибирск, 2004. – 25 с.
22. Шелякин М. А. Местоимение / Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. – 4-е изд., стер. / Л. А. Новиков, Л. Г. Зубкова, В. В. Иванов и др.; Под общ. ред. Л. А. Новикова. – СПб.: Изд-во “Лань”, 2003. – 864 с.
- Ямалетдинов Р. Р. Сопоставительная грамматика татарского и русского языков. – Казань: Изд-во КГУ, 2004. – 142 с.